

Когда Чэн Фэнтай вернулся в зал для игры в маджонг, за ним, не отставая ни на шаг следовал Шан Сижуй. Сидящие в зале люди в изумлении подняли на них глаза, не понимая, что могло свести вместе этих двоих, которые были у всех на слуху. Особенно пристальным взглядом их окинул Фань Лянь, однако никак иначе не выказал своего интереса [1]. Старший племянник господина Хуана уступил место Чэн Фэнтаю, с улыбкой сообщив, что две партии выиграл и одну проиграл. Тот, взяв пригоршню фишек, в знак благодарности сунул их молодому человеку в карман. Попросив соседей подвинуться, он поставил рядом стул и предложил Шан Сижую сесть. При виде этого множество собравшихся в зале людей принялись наблюдать за ними ещё пристальнее, не отрывая любопытных глаз от этой парочки.

— Шан-лаобань, вы играете в маджонг? — закуривая, спросил Чэн Фэнтай.

— Не особо, — ответил Шан Сижуй.

— Ну тогда и не надо, — не стал настаивать Чэн Фэнтай. — Просто немного помогите мне во время партии, вытяните для меня костяшку.

Однако Шан Сижуй не решался это сделать — все эти люди привыкли швыряться деньгами, делая в маджонге такие ставки, что он не заработал бы своими выступлениями и за многие месяцы. Если он вытянет не ту костяшку, то потом попросту не сможет возместить убыток.

— Ничего страшного, — подбодрил его Чэн Фэнтай. — Вытаскивайте какую угодно. Сегодня я до того проигрался, что уже ничего не боюсь.

— Да, Жуй-гэ-эр [2], вытаскивай какую угодно, — со смехом бросил Фань Лянь. — Чем скорее мой старший зять отмучается, тем раньше вернётся к новой жизни!

Немного помедлив, Шан Сижуй наконец выбрал фишку, взяв её со стола. Раскрыв его ладонь, Чэн Фэнтай внезапно просиял от счастья — с торжествующей улыбкой швырнув костяшку на стол, он со смехом заявил:

— Четвёрка символов [3]! Я выиграл [4]! — схватив Шан Сижую за руку, он с силой потряс её. — Я чувствую, что моя удача пришла! — Он так долго не вкушал сладость победы, что теперь радовался, словно ребёнок.

Про себя Шан Сижуй подумал: «С тех пор, как я сел рядом с тобой, никто и впрямь не осмеливается мною распоряжаться — зато ты распоряжаешься направо и налево». Однако после того, как он вытащил игральную кость для Чэн Фэнтая, та неожиданно оказалась выигрышной — в сравнении с Чачей-эр его помощь была ещё более эффективной. После этого выигрыша люди за другими столами прекратили игру и подошли к ним, чтобы поглазеть на счастливого второго господина Чэна и его новую Lucky Star [Счастливую Звезду]. В то же время его соседи по столу принялись роптать на то, что Чэн Фэнтай жульничает, привлекая помощь со стороны.

— Что за вздор, при игре в маджонг со мной это в порядке вещей, — с улыбкой парировал Чэн Фэнтай. — В противном случае вы тоже можете попросить кого-нибудь вытащить для вас костяшку.

— Где уж нам заполучить подобного ниспосланного небом помощника [5]! — со смехом отозвались его соседи. — Разве что Шан-лаобань сам пожелает пересесть к нам?

Однако прежде, чем Шан Сижуй успел ответить, Чэн Фэнтай мёртвой хваткой прижал его руку к поверхности стола.

— Никому не дозволено пересаживаться! Этот человек мой!

Эта шутка вызвала всеобщий смех, и лишь Фань Лянь почувал в этом необычное предзнаменование. В тот год, когда он жил в Пиньяне, Шан Сижуй насмерть разругался [6] с Чан Чжисинем и Цзян Мэнпин, и всё же при этом всегда был учтив и дружелюбен с младшим двоюродным братом своего ненавистного противника — это говорило о том, как хорошо Фань Лянь умел ладить с людьми.

— Жуй-гэ-эр, а Жуй-гэ-эр, — замахал ему рукой Фань Лянь. — Отчего же ты только моему старшему зятю помогаешь, а мне — нет? Мы же с тобой старинные приятели! Если ты сейчас подсядешь ко мне, я возьму тебя в долю!

Взглянув на Фань Ляня, Чэн Фэнтай без лишних слов стянул с пальца перстень с сапфиром и вложил его в ладонь Шан Сижую. Тем самым он хотел сказать: «Значит, тебе есть чем его подкупить, а мне, что же, нечем?» Что Чэн Фэнтаю, что Шан Сижую никогда не приходилось тяжким трудом зарабатывать себе на хлеб [7], а потому их пальцы были тонкими, длинными и изящными. Изначально этот перстень был переделан из женского и отлично подходил на безымянный палец. Перевернув руку Шан Сижую, Чэн Фэнтай раскрыл её, со смехом бросив:

— Ах, скажите-ка, разве это кольцо не походит на обручальное?

Произнеси это другой человек, Шан Сижуй, безусловно, почувствовал бы себя оскорблённым и униженным, но из уст Чэн Фэнтая это прозвучало лишь как забавная шутка. Все вновь рассмеялись. Кто-то сказал на это:

— Если уж на то пошло, у второго господина Чэна может быть куда больше жёнушек — кто из здешних дам и барышень не получал от него колечка?

Немало девушек из числа гостей при этих словах незаметно коснулись своих колец.

Шан Сижуй просидел рядом с Чэн Фэнтаем до глубокой ночи. Говорил он мало, лишь с улыбкой слушая других, и всё же гости то и дело подходили к нему под разными предлогами, чтобы заговорить с актёром. Несмотря на то, что эти люди за спиной Шан Сижую власть

перемывали ему кости, при встрече они обращались с ним почтительно, будто с кинозвездой. Всем хотелось прикоснуться к нему, словно к сверхпопулярной причудливой диковине. Они представляли собой лишь стадо скучающих людей, для которых сплетни были своего рода развлечением — ведь в действительности они вовсе не были бессовестными подлецами, желающими причинить вред другим. Чэн Фэнтай знал, что за глаза ему перемывали кости не меньше, чем Шан Сижую — молодой человек, который проделал путь от Шанхая до Бэйпина, и в юные лета, разобравшись с многочисленными долгами, сколотил состояние, безусловно, был занятой темой для пересудов.

Чэн Фэнтай успел выиграть ещё две партии, когда к ним подошел начальник комиссариата Чжоу с сигарой во рту.

— Оказывается, Шан-лаобань с самого начала сидел тут — а я тебя искал, — сказал он, бросив взгляд на Чэн Фэнтая, который узурпировал актёра — однако тот сделал вид, что не заметил этого. Шан Сижуй встал, чтобы уступить место комиссару Чжоу, но тот заставил его вновь опуститься на стул, нажав ему на плечо, и так и не убрал руку. Чэн Фэнтай искоса поглядел на эту завуалированную романтику [8] и на его лице отразилось презрительное выражение, но комиссар Чжоу также предпочёл этого не заметить. Комиссар Чжоу больше десяти лет был заправлявшим здесь «местным змеем» [9], однако в последнее время он постоянно подвергался нападкам со стороны грозного дракона — главнокомандующего Цао. Баланс сил был нарушен, непримиримым, как огонь и вода, противникам было всё труднее ладить друг с другом — а потому неудивительно, что комиссар даже не пытался скрыть неприязненного отношения к младшему шурина главнокомандующего.

— Тех мерзавцев, что несколько дней назад сорвали твоё представление, я заставил вволю хлебнуть горя, они и теперь сидят у меня под арестом. Я собираюсь продержать их там, пока гнев Шан-лаобаня не остынет, как насчёт такого? — с этими словами комиссар Чжоу украдкой стиснул плечо Шан Сижую. Тот даже не шелохнулся — лишь с недрогнувшим выражением лица досадливо бросил:

— Право же, это не столь уж большое дело. Выходя на сцену, мы и не через такое проходим... вам следует поскорее их отпустить!

— Как это — не большое дело, говорят, когда их привели под конвоем, они были избиты, словно кровавая тыква [10] — все видели кровь! Куда ж это годится!

— Ну и будет, — с улыбкой отозвался Шан Сижуй. — Какой смысл держать под замком тех, кто и так претерпел побои?

Комиссар Чжоу бросил пристальный взгляд на макушку Чэн Фэнтая и с холодной усмешкой произнёс:

— Короче говоря, кого-то нужно было посадить — раз нет возможности привлечь к ответственности того, кто избивает людей, нам только и остаётся, что хватать побитых.

Чэн Фэнтай и бровью не повёл при этих словах — коснувшись игровой костяшки, он сделал вид, что не слышит, но про себя подумал, что, пожалуй, репутации Шан Сижую изрядно вредит то, что у него слишком много превозносящих его защитников. При малейшей обиде они, стремясь угодить своему кумиру, мигом раздувают из мухи слона [11] — а потом слухи об этом расходятся в широких кругах, давая пищу для упреков в том, что Шан Сижуй до невозможности злоупотребляет своим влиянием. Выходит, жизнь популярного актёра и впрямь непроста.

Шан Сижую было неудобно возражать комиссару Чжоу, потому он сидел, не проронив ни слова, пока тот не удалился, напоследок ещё раз стиснув его плечо. Почти всем присутствующим было известно о том случае пару дней назад, когда Шан Сижую окатили кипятком, но они не желали упоминать об этом при пострадавшем, дабы избежать неловкости. Однако Фань Лянь, который знал, что прямодушного по природе актёра это ничуть не смутит, тут же с улыбкой бросил:

— Жуй-гэ-эр, из-за чего же на этот раз? Ты сфальшивил? Или слова перепутал?

Основательно подумав, Шан Сижуй ответил:

— С голосом, безусловно нет проблем — за него я спокоен, ты и сам мог слышать. Должно быть, дело было всё-таки в словах...

— Кто-то заменил слова?

— А, это... я сам поменял их, — неторопливо отозвался Шан Сижуй.

— Чем же тебе не угодили слова Лэй Сяохая? — поперхнулся от изумления Фань Лянь.

— Они не так хороши, как у Седьмого Ду.

Про себя Фань Лянь подумал: «Пусть те слова и не слишком хороши, они всяко лучше, чем можешь написать ты. Этот Шан Сижуй знает от силы семь-восемь иероглифов, а всё туда же — валяет дурака, решив, что вправе менять слова оперы? Да он легко отделался, когда его всего-то облили кипятком — окати они его азотной кислотой, и то его нельзя было бы признать несправедливо обиженным, ведь в сердцах этих истых любителей оперы она была настоящей святыней!

— Помнится, когда ты только приехал в Бэйпин, — сказал он вслух, — ты с Нин Цзюланом играл «Принцессу Ньюхуа [12]», там Седьмой Ду необычайно удачно поменял слова, я до сих пор помню оттуда несколько фраз.

— Как это я не слышал об этой опере? — вмешался кто-то сбоку.

— Жуй-гэ-эр и Нин Цзюлан как-то выступали с ней в резиденции Ци-вана [13], — с улыбкой ответил Фань Лянь. Повернувшись к Шан Сижую, он предложил: — Жуй-гэ-эр, почему бы тебе снова не вызвать седьмого Ду — он будет порукой безупречности [14] твоего либретто.

— Этот Седьмой Ду, что он за человек? — спросил кто-то из собравшихся. — Кто-то выдающийся?

Все принялись смеяться над тем, кто даже не слышал о Седьмом Ду. Чэн Фэнтай довольно долгое время наблюдал за ними со стороны, думая про себя: «Я вот тоже не знаю, что за человек такой этот Седьмой Ду — каким бы исключительным он ни был, что же, не знать о нём — уже какое-то преступление?»

— Да кто это в конце концов такой? — наконец спросил он Фань Ляня.

— Что до Седьмого Ду, то это выдающаяся личность, — принялся объяснять тот. — Это племянник Ду Минвэна, Ду-таньхуа [15]. В своё время Ду Минвэн писал новые оперы для труппы «Наньфу» по указу самой императрицы Цыси. Создавая свою двадцать восьмую оперу, «Перевал Фэньюэ», он выпил две бутылки шаосинского вина «Чжуаньюаньхун» и на одном дыхании [16] написал слова, покоровшие сердце самой вдовствующей императрицы! Она расхвалила Ду-таньхуа, наградив его званием подлинного знатока своего дела [17] — он ни в чём не уступал Гуань Ханьцину [18]! Ду Минвэн без остатка передал все свои навыки [19] родному племяннику, Седьмому Ду, как же так случилось, что он стал таким непутёвым — Жуй-гэ-эр, я уже давненько не видал седьмого молодого господина.

Шан Сижуй, склонив голову набок, слушал, как Фань Лянь рассказывал о семейных обстоятельствах Седьмого Ду — он совсем не знал, что эти двое были близкими друзьями.

— Седьмой Ду влюбился в одну оперную певицу и уехал за ней во Францию, — ответил Шан Сижуй.

Эта фраза тотчас вызвала всеобщее воодушевление.

— Безобразие! И уж конечно, против воли семьи!

— Когда это произошло? Мы ничего не знали об этом!

— Откуда взялась эта девушка? Как она, играя на сцене, добралась до Франции и что там делает?

Сидящий рядом мужчина, разгорячившись, толкнул Шан Сижую в бок, чтобы тот поскорее отвечал, и он, завалившись, оперся на Чэн Фэнтай — тот улыбнулся, ощутив прикосновение полы его одежды и исходящий от него холодный аромат цветов красной сливы.

— Как-то раз Седьмой Ду спозаранку явился ко мне домой и рассказал, что он внезапно открыл для себя обворожительный голос Фань Алин — мол, было бы неплохо, чтобы она сыграла со мной в паре. Он поехал во Францию, чтобы найти её и учиться... а больше я ничего, по сути, не знаю.

Все присутствующие принялись строить предположения, когда это в Бэйпине пела актриса по имени Фань Алин с прекрасным голосом. Чэн Фэнтай догадался первым — он, сдерживая смех, произнёс какое-то слово по-английски, спросив у Шан Сижую:

— Не за этим ли уехал Седьмой Ду?

— Верно, — кивнул тот.

При этом Фань Лянь приснул со смеху, а вслед за ним и все собравшиеся здесь современные мужчины и женщины. Поняв, что сморозил что-то не то, Шан Сижуй смутился так, что покраснел.

— Почему вы все смеётесь? — шёпотом спросил он у Чэн Фэнтая. — Что не так с барышней Фань?

— Боюсь, что это не барышня, — всё ещё смеясь, ответил тот.

— А кто же?

Чэн Фэнтай не на шутку задумался: он не знал, как объяснить это Шан Сижую, все мысли и чувства которого занимал лишь его театр — ничего другого он, похоже, и знать не желал. Он так отстал от жизни, что пришедшие с запада диковины нимало его не занимали.

— Это... — Тут Чэн Фэнтай осенила блестящая идея, и он объяснил, помогая себе жестами: — Это как иностранный хуцинь, только его прижимают к шее.

— А как он звучит?

— Музыка, под которую только что танцевали в саду — это и есть «фаньалин».

Припомнив, Шан Сижуй покачал головой:

— Не годится. Звук струн слишком тяжёлый — в нём нет ни капли просторной лёгкости, чтобы поддержать голос. Напрасно Седьмой Ду поехал за ней, — со вздохом закончил он.

Чэн Фэнтай не понимал этого профессионального жаргона. Шутливо улыбаясь, он смотрел на

него, думая, что этот маленький актёр в самом деле смешной и занятный, а ещё самую малость наивный и простоватый.

Шан Сижуй долгое время сидел без дела, наблюдая, как Чэн Фэнтай играет в маджонг, и при этом что-то тонким голосом напевал себе под нос, словно котик по весне. Прислушавшись, Чэн Фэнтай понял, что это — оперная ария: видимо, Шан Сижуй и здесь продолжал упорно практиковаться [20]. Заглянув под стол, Чэн Фэнтай обнаружил, что руки певца складываются в жесты из «Опьяневшей Ян-гуйфэй» — такими движениями Ян Юхуань собирала цветы и вдыхала их аромат. Всего полночи назад Шан Сижуй казался ему сдержанным и отчуждённым — теперь же он радостно напевал, сидя рядом с ним!

Чэн Фэнтай поднял костяшку, собираясь разыграть её, но тут Шан Сижуй внезапно воскликнул:

— Не ходите этой!

— Что? — удивился Чэн Фэнтай.

— Не ходите этой, возьмите ту, — добавил Шан Сижуй.

— Шан-лаобань ведь говорил, что не играет в маджонг? — засомневался Чэн Фэнтай.

— Я долго просидел здесь, наблюдая за игрой.

— Разве можно разобраться в этом, лишь наблюдая?

Различив сомнение в голосе Чэн Фэнтая, Шан Сижуй тут же почувствовал себя чрезвычайно неловко. На самом деле, когда он не разбирался в ситуации как следует, он старался не соваться с советами не в своё дело. Однако, сам не понимая, отчего, он вдруг почувствовал себя всецело преданным Чэн Фэнтаю, а потому не мог остаться в стороне, и в результате выставил себя на посмешище. Неразборчиво бросив: «Ну да», Шан Сижуй ничего не стал объяснять, а только улыбался, выразительно глядя на него.

— Всё-таки послушаюсь Шан-лаобаня, — глянув на него, сказал Чэн Фэнтай. После этого он походил так, как советовал ему Шан Сижуй — и немного погодя, само собой [21], выиграл.

— Шан-лаобань чрезвычайно одарён, — заключил он.

Шан Сижуй улыбнулся ему в ответ.

В итоге Чэн Фэнтай сыграл более десяти партий, досыта накурился и напился чаю, и наконец встал из-за стола, на этот раз и вправду собравшись справиться нужду. Когда он удалился, Шан

Сижуй прекратил оттачивать свои оперные навыки и поспешил следом — Фань Лянь проводил их долгим взглядом.

Догнав Чэн Фэнтай в галерее, Шан Сижуй пошёл бок о бок с ним, склонив голову. Чэн Фэнтай с улыбкой подумал: «Позови его, и он в самом деле не отойдёт ни на цунь [22], настолько этот маленький актёр послушный!»

— Шан-лаобань, на улице прохладно, поскорее вернитесь в дом. Я тоже сей же час вернусь, — заверил он, направившись во внутренние покои, где помещалась уборная.

Хоть Чэн Фэнтай и обещал «сей же час вернуться», он с господской неторопливостью помочился, затем перекинулся парой шуток со служанкой во внутренних покоях, закурил сигарету и только после этого вышел наружу. Там он тут же наткнулся на Шан Сижую — тот по-прежнему стоял под навесом галереи и ждал его! Перед рассветом было по-настоящему холодно, и в свете лунных бликов под тенью навеса Шан Сижуй казался с ног до головы покрытым инеем. Лепестки сливы на его броши выглядели твёрдыми и хрупкими, будто настоящие самоцветы.

— Вы чересчур скромны! — посетовал Чэн Фэнтай. — Разве я не сказал вам вернуться и подождать меня внутри? — Схватив Шан Сижую под локоть, он потянул его в дом.

Однако тот заколебался:

— Второй господин Чэн, нам нужно кое-что обсудить с глазу на глаз.

— Тогда говорите побыстрее, — озадаченно улыбнулся Чэн Фэнтай. — Нынче осенью в Бэйпине холодно.

— Это насчёт событий того дня.

— Какого дня?

— Того самого, когда меня облили кипятком... Я понимаю, что второй господин пострадал от этого человека, но его побили, а потом ещё и посадили — всё-таки надо, чтобы его отпустили на свободу!

Чэн Фэнтай, имеющий непосредственное отношение к этому делу как участвовавший в драке, совершенно не принял его близко к сердцу — а потому ему было невдомёк, что Шан Сижуй до сих пор из-за этого беспокоится.

— Разве вам не говорили, что это зависит от того, как долго на него будет держать обиду Шан-лаобань?

— Я совершенно не сержусь, — беспомощно ответил тот. — Я пою на сцене уже десять лет, и за это время чего только не повидал! Бывало, что люди и кирпичи на сцену бросали, так-то! Нет такого закона, чтобы за это сажать людей за решётку.

— Даже если так, Шан-лаобаню стоит поговорить об этом с комиссаром Чжоу, — парировал Чэн Фэнтай. — Выпустят его или нет, зависит не от меня.

Шан Сижуй хотел было заметить, что едва ли отважится пойти с этим к комиссару Чжоу, когда тот так развоевался.

— Я не вожу дружбы с комиссаром Чжоу, — с улыбкой отозвался он. — Едва ли он ко мне прислушается.

Чэн Фэнтай при этом подумал: «Это звучит так, будто мы с тобой близкие друзья — однако разве ж это так? Только что я видел, как комиссар Чжоу массировал тебе плечи, будто совсем потерял от тебя голову — по мне, так это уже не простая дружба!»

— Второй господин, так как в конце концов?

Немного подумав, Чэн Фэнтай с улыбкой бросил:

— Ладно! Подмаслить людей взяткой-другой [23] мне несложно.

Поблагодарив его, Шан Сижуй собрался было уйти, но Чэн Фэнтай остановил его:

— Ай, Шан-лаобань, что же это за благодарность?

Шан Сижую оставалось лишь теряться в догадках, как же его отблагодарить. Шагнув к нему, Чэн Фэнтай снял с его одеяния брошь с цветами красной сливы и продел в петлицу на левом лацкане своего пиджака. Устремив серьёзный взгляд на актёра, он с улыбкой заявил:

— Вот это я приму в качестве благодарности. Давайте поскорее зайдём в дом!

Романтичная натура Чэн Фэнтая побуждала его поддразнивать красивых людей — были ли то женщины или мужчины, стоило ему их заприметить, как он тут же принимался над ними подшучивать. Вернувшись в зал, они вновь заняли свои места, и никто не обратил на них внимания. Лишь Фань Лянь заметил, что брошь с цветами сливы перекочевала с груди актёра на лацкан пиджака его старшего зятя, и преисполнился подозрений. Заметив, что он не отрывает пристального взгляда от броши, Чэн Фэнтай тут же спросил:

— Младший шурина, что это ты сегодня так внимательно меня рассматриваешь?

— Я смотрю на тебя... потому что мой старший зять сегодня особенно хорош... вы только посмотрите на эти красные цветы у него на пиджаке!

Чэн Фэнтай гордо приосанился.

Вечеринка завершилась в половине второго ночи. Пребывающий в весьма хорошем настроении старый господин Хуан стоял в воротах, провожая гостей, которые один за другим садились в автомобили. Ощувив благоухание цветов сливы, Чэн Фэнтай подумал, что надо бы подвезти и Шан Сижую, но нигде не мог его найти. Он обратился было к Фань Ляню, однако тот лишь кивнул на ворота, так и не проронив ни слова. Тогда Чэн Фэнтай воззрился на сияющего счастливой улыбкой [24] старого господина Хуана, припомнив слова Шан Сижую: «во что бы то ни стало надо продержаться до конца», и когда он связал эти два факта, ему стало не по себе.

— Неужто Шан Сижуй... и такими делами промышляет? — потрясённо бросил он. — Он ведь так знаменит, и при этом всё равно сам себе не хозяин? Неужто ему всё равно не хватает денег?

— Деньги тут ни при чём, — заверил его Фань Лянь. — Они привыкли так жить — что взять с актёров!

У Чэн Фэнтая просто не было слов. Вдохнув аромат цветов сливы, он глубоко вздохнул.

Примечания переводчика:

[1] Ничем не выказал своего интереса — в оригинале 未露声色 (wèi lù shēngsè) — в пер. с кит. «не показал тембром голоса и выражением лица». Есть вид гадания по наружности и голосу 声色 (shēngsè) — шэнсэ.

[2] Жуй-гэ-эр 圭葛儿 (guī gēr) — Жуй 圭 (guī) — сокращение от имени Сижуй, -гэ 葛 (gē) — полужурформальное вежливое обращение к старшему мужчине своего поколения, -эр 儿 (r) — суффикс с уменьшительно-ласкательным значением.

[3] Четвёрка символов — 四万 (sìwàn) — в букв. пер. с кит. «сорок тысяч», символ — лютня.

Её символом является лютня, а потому она связана со сценическими искусствами. Это символ музыки, досуга и расслабления — время отдыха после работы.

Символы — одна из мастей в маджонге, наряду с бамбуками и дотами, их значение варьируется от одного до девяти, причём единица и девятка считаются мажорными (их комбинации набирают наибольшее количество очков).

[4] Я выиграл — в оригинале 胡了 (hú le) — или же 胡牌 (húpái) — в букв. пер. с кит. «очки на

костяшках», что означает «карты сошлись» или «выиграть в маджонг».

[5] Ниспосланный небом помощник — в оригинале 天降 (guàirén) — в пер. с кит. «влиятельное лицо», а также «ниспосланный на выручку судьбой помощник» в лексиконе гадателей.

[6] Насмерть разругался — в оригинале два чэньюя: 聲嘶力竭 (shēngsī lìjié) — в пер. с кит. «голос охрип и силы иссякли», обр. в знач. «кричать во всю глотку».

楚河漢界 (chǔ hé hàn jiè) — в пер. с кит. «река, что разделила Чу и Хань», обр. в знач. «граница двух противоборствующих сил».

[7] Не приходилось тяжким трудом зарабатывать себе на хлеб — в оригинале идиома 十指不沾阳春水 (shí zhǐ bù zhān yáng chūn shuǐ) — в букв. пер. с кит. «десять пальцев не омочит в вешних водах», обр. в знач. «вести изнеженный образ жизни», «нет необходимости трудиться, чтобы прокормить себя».

[8] Завуалированная романтика — в оригинале 風月 (fēngyuè) — в букв. пер. с кит. «ветер и луна», сокр. от «свежий ветер и светлая луна», обр. в знач. «прекрасный вечер, красивый пейзаж; обстановка, располагающая к лирической беседе, к мечтательности и любви».

[9] Местный змей — в оригинале 地头蛇 (dìtóushé) — обр. в знач. «местный царёк, местный хулиган, шпана», а также «глава мафии».

[10] Кровавая тыква — в оригинале 血葫芦 (xuè húlu) — в пер. с кит. «кровавая тыква-горлянка» - из-за красноватой мякоти голову избитого человека часто называют «кровавой тыквой».

[11] Раздувают из мухи слона — в оригинале чэньюй 大做文章 (dà zuò wénzhāng) — в букв. пер. с кит. «написать большое сочинение», обр. в знач. «поднять большой шум; раздуть проблему».

[12] Принцесса Нюйхуа 閼風 (dìniǔhuā) — опера, впервые написанная при династии Цин, сейчас известна в более поздней версии. В опере повествуется о принцессе Чанпин из династии Мин. В начале оперы она должна выйти замуж за Чжоу Шисяня, однако происходит восстание Ли Цзычэна с последующим захватом власти. Принцесса скрывается в монастыре, однако вновь встречается с Чжоу. После того, как её обнаруживают действующие власти, она вместе с Чжоу разрабатывает план двойного самоубийства, обеспечив достойные похороны отцу и безопасное укрытие для младшего брата. После того, как Чжоу успешно завершает все дела, они с принцессой удаляются в её старый дом, где после брачной церемонии принимают яд в том самом саду, где впервые встретились.

[13] Ци-ван 齊王 (Qí-wáng) — принц Ци.

[14] Безупречность — в оригинале чэньюй 萬無一失 (wàn wú yī shī) — в пер. с кит. «ни одного промаха из десяти тысяч», обр. в знач. «абсолютно надёжный, безошибочный, без единого

недостатка».

[15] Минвэн 明暉 (Míngwǔ) — в пер. с кит. имя значит «яркий и пышно растущий».

-таньхуа 探花 (tàn huā) — в букв. пер. с кит. «искатель цветов», обр. о занявшем третье место на государственных экзаменах академии Ханьлинь при династиях Мин и Цин.

[16] На одном дыхании — в оригинале чэньюй 一氣呵成 (yī qì ē chéng) — в пер. с кит. «один взмах (кисти) и (произведение) готово», обр. о быстрой работе писателя, каллиграфа, художника; быстрый успех.

[17] Знаток своего дела — в оригинале 本色 (běn sè) — в букв. пер. с кит. «истинный знаток естественных цветов» — имеется в виду естественность строфы — считается, что создание стихов и мелодий подчиняется изначальным правилам и следует создавать их, не разрушая естественную систему.

[18] Гуань Ханьцин 關漢卿 (Guān Hàncīng) (1210-1280) — один из четырех великих юаньских драматургов в жанре «цзацзюй».

[19] Без остатка передал все свои навыки — в оригинале 傾囊相授 (qīng náng xiāng shòu) — в букв. пер. с кит. «вытрясти всё из карманов и передать знания из рук в руки».

[20] Упорно практиковаться — в оригинале чэньюй 勤加練習 (qín jiā lì xíng) — в пер. с кит. «хорошего певца без постоянной практики не будет», обр. в знач. «мастерство рождается в тренировке».

[21] Само собой — в оригинале чэньюй 水到渠成 (shuǐ dào qú chéng) — в пер. с кит. «придет вода, образуется арык», обр. в знач. «придет время, и всё образуется само собой; всему свое время».

[22] Цунь 寸 (cùn) — 3,25 см.

[23] Взятка-другая — в оригинале 點點 (diǎndiǎn) — где 點 (diǎn) в пер. с кит. значит как «прибраться, отбивать время, подготовить, расставить точки», так и «давать взятку, подкупить, подмазать».

[24] Счастливая улыбка — в оригинале чэньюй 春風滿面 (chūnfēng mǎnmiàn) — в букв. пер. с кит. «весенний ветер по всему лицу», обр. в знач. «радостно сияет лицо; радостный вид, счастливый вид».

<http://bllate.org/book/17750/1660359>